

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ

Е. И. ФЕЙГЕНБЕРГ, А. Г. АСМОЛОВ

Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева составляет фундамент историко-эволюционного подхода в психологии. Ее суть заключается в том, что развитие мира человека рассматривается органично вписанным в культуру, способом существования которой является эволюция различных форм общественно-исторической деятельности. И какими бы дорогами ни шли в своих поисках Л.С. Выготский, А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев, к каким бы конкретным объектам изучения они ни обращались, эта концепция пронизывала любые их исследования.

Сказанное полностью относится к разным этапам творческого пути А.Р. Лурии. Занимался ли он изучением природы человеческих конфликтов, нейропсихологией, нейролингвистикой или анализом исторического развития познавательных процессов, он оставался верен исходной историко-культурной методологической установке. Не случайно поэтому то, что в большинстве исследований А.Р. Лурия неизменно обращается к разработке проблем природы общения, роли речи и общения в становлении высших психических форм поведения личности. Ведь процесс общения это тот магический кристалл, через который с особой очевидностью просматривается историко-эволюционное происхождение личности человека.

В данной работе мы ставим перед собой задачу с позиций культурно-исторической концепции проанализировать возможности использования невербального общения в процессе восстановительного воспитания личности при афазии. При решении этой задачи встает ряд взаимодополняющих вопросов: чем вызвано обращение к невербальной коммуникации как возможному средству восстановительного воспитания при речевых дефектах? Может ли изучение соотношения невербальной и вербальной коммуникации пролить свет на понимание природы первой из них? Что передает личность через каналы невербальной коммуникации? И наконец, почему невербальную коммуникацию мы связываем с таким разделом прикладной психологии личности, как восстановительное воспитание?

Начнем с ответа на последний из поставленных вопросов. Термин «восстановительное воспитание» впервые появился в цикле классических исследований А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца, посвященных восстановлению движений у раненых бойцов [14]. В этих исследованиях было показано, например, что восстановление пораженной руки происходит при условии перестройки личностных установок больного, т. е. перестройки, зависящей от того смысла, который имеет для больного выполняемая деятельность [13; 99].

Позднее в контексте деятельностного подхода были накоплены факты, которые привели к пониманию различной природы обучения и воспитания, а также к выявлению общего принципа воспитания и коррекции личности. Психологическим объектом воспитания является личность как мотивационно-смысловая система. Сдвиг смысловых установок всегда опосредствован

изменением деятельности субъекта. Отсюда и следует основная идея общего методического принципа опосредствования смысловых образований личности. Она состоит в том, что для перестройки и коррекции мотивационно-смысловых образований личности необходимо выйти за их пределы и изменить личностно-значимые деятельности, порождающие эти образования. Из подобного понимания психологической природы

воспитания вытекает и то, что перерождение личности всегда идет через изменение деятельности, в том числе и деятельности общения, и не может осуществляться посредством таких воздействий чисто рационального вербального характера, которые, по выражению А.Н. Леонтьева, несут «равнодушные» значения [2], [4].

Очерченное понимание психологической природы воспитания личности и общего методического приема воспитания закладывает основы для выделения специальной области прикладной психологии личности — психологии восстановительного воспитания. В клинической практике необходимо сочетать восстановительное обучение и восстановительное воспитание.

В отечественной нейропсихологии, основателем которой является А.Р. Лурия, создана целостная концепция восстановительного обучения и реабилитации больных с локальными поражениями мозга [12], [20]. В русле этой концепции разработана система принципов восстановительного обучения, намечены пути создания приемов и техник восстановительного воспитания личности. «Восстановительное обучение строится на основе создания новых функциональных систем на базе сохранных афферентаций. Использование сохранных анализаторов в качестве опоры при обучении является еще одним важнейшим принципом восстановительного обучения» [19; 23]. В прикладной психологии восстановительного воспитания процесс реабилитации больных аналогичным образом рассматривается как трансформация мотивационно-смысловых образований личности. В качестве конкретных приемов восстановительного воспитания выделяются: опора на сохранные смысловые установки личности, включение личности в значимую деятельность, демонстрация последствий поступка личности для референтной группы [4], [5].

Особого внимания при изучении возможностей невербальной коммуникации в процессе восстановительного воспитания заслуживает прием опоры на сохранные смысловые установки личности. Дело заключается в том, что смысловые установки личности, как это отмечается в исследованиях А.В. Запорожца и А.Н. Леонтьева, непосредственно выражаются в позно-тонических, мимических, интонационных проявлениях поведения и общения человека, т. е. тех проявлениях, которые выделяются в особую область изучения невербальной коммуникации — *кинесику*.

Разным аспектам кинесики посвящено множество публикаций, часто фигурирующих под названием *body language* (язык тела, см. [21]). В 1986 г. было опубликовано первое отечественное монографическое исследование невербального поведения [12]. Приходится признать, что при всем богатстве эмпирического материала и целого ряда оригинальных методических приемов изучения невербальной коммуникации в этой сфере исследования явно преобладает феноменологический подход. Изучение невербальной коммуникации оказывается как бы государством в государстве, оно не соотносится с той или иной общепсихологической теорией. Вследствие этого несмотря на обилие фактов, полученных прежде всего в зарубежной социальной психологии, этологии и кросскультурных исследованиях общения, ответы на вопросы о природе, функциях невербальной коммуникации остаются довольно неопределенными. Картина изучения невербальной коммуникации осложняется еще и тем, что в ней господствует своеобразный *лингвоцентризм* — *описание закономерностей невербального общения по образу и подобию речевого общения* [21].

Иной ракурс открывается при изучении

невербальной коммуникации в русле деятельностного подхода. А.Н. Леонтьев и А.В. Запорожец обратили внимание на то, что в позах человека, его походке выражается личностная установка субъекта, его уникальный смысловой опыт. Иллюстрируя представления о «внутренней моторике» как выражении смыслового опыта личности, А.В.

Запорожец обращается к исследованиям смысловой стороны детской моторики, проведенным О.В. Протопоповой под руководством Л.С. Выготского. Разрабатывая методики коррекции нарушений личности дефективного ребенка через набор моторных упражнений, она «пришла к заключению, что некоторые из внешних свойств детской моторики являют собой знаки, или, вернее сказать, признаки, ее внутреннего смыслового содержания. В качестве таких признаков смыслового содержания пространственно-геометрические и динамические особенности движений выступают не сами по себе, а будучи соотнесены с системой координат, связывающих субъекта с объектом, с целью его деятельности» [10; 218—219]. Из этого исследования вытекает, что позно-тонические компоненты как бы реализуют позицию ребенка, его смысловое отношение к окружающему. Так, например, когда малыш не уверен в детском коллективе, его движения сосредоточены в одной плоскости, лицо всегда обращено к членам группы за поддержкой или порицанием.

«Особый интерес представляют данные О.В. Протопоповой о роли специальных двигательных упражнений в психоортопедии, в воспитании личности больного ребенка, в перестройке его неадекватных, дефектных отношений к окружающему» [10; 226—227].

Сходные идеи о связи личности и позно-тонических движений были высказаны А. Баллоном. Л.И. Анцыферова, рассказывая о его, взглядах, пишет: «В специфике поз, в динамике их смены отчетливо проявляются психодинамические характеристики и личностные свойства человека. Достаточно вспомнить позу человека, испытывающего напряжение в социальных ситуациях: охватывая себя руками, прижимая их к телу, он как бы отгораживается ими от других, а ноги прячет под стул... В этих установках отчетливо выражается эмоционально-аффективное отношение личности к событиям» [1; 155]. Между тем именно позно-тонические, мимические и жестовые проявления смысловых установок личности, т. е. вся «внутренняя моторика» служит тем «зримым» языком, посредством которого происходит невербальная коммуникация. Рассмотрение невербальной коммуникации в контексте историко-эволюционной деятельности концепции личности [3] позволяет, во-первых, ответить на вопрос о том, что, какое содержание передается через невербальную коммуникацию; во-вторых, обратиться с учетом представлений о природе невербальной коммуникации к анализу возможностей ее использования в восстановительном воспитании.

Невербальная коммуникация является преимущественно выражением смысловой сферы личности. Она представляет собой непосредственный канал передачи личностных смыслов. Развиваемое нами понимание невербальной коммуникации позволяет объяснить безуспешность многочисленных попыток создания кода словаря, дискретного алфавита языка невербальной коммуникации, спровоцированных лингво-центрической установкой. Невозможность воплощения симультанных динамических смысловых систем личности в дискретных равнодушных значениях заранее обрекает на неудачу любые поиски дискретных формализованных словарей жестов и телодвижений.

Положение о том, что невербальная коммуникация выражает в поведении смысловые установки, позволяет обратиться к различным наработанным в истории культуры смыслотехникам, в том числе приемам понимания других людей путем наблюдения за позно-тоническими проявлениями человека.

Знакомство с рядом феноменов в истории культуры наталкивает на мысль о том, что *невербальные проявления смысловых установок выполняют*

компенсаторную функцию при нарушении речевого общения. Так, при переходе от немого к звуковому кино многие режиссеры и теоретики кино (например, В. Пудовкин и Л. Кулешов) отмечали, что за счет выигрыша в озвучании, вокализации произошел проигрыш в передаче метафорического мироощущения (см. об этом [11]; [17]; [18]). В частности, В. Пудовкин любил повторять страстные слова французского теоретика кино Деллюка:

«Какой это ничтожный отрывок воспоминаний — звук. Наши глаза лучше охватывают психологию и жизнь; движение лучше говорит, чем звук; одна поза стоит больше всех завываний трагиков и вымученных баритонов» (цит. по [18; 171]). В своей практике В. Пудовкин даже ввел запрет на движения, пытаясь найти наиболее выразительные позы для актеров. При работе над фильмом «Мать» произошел следующий эпизод: «...режиссер запретил актрисе производить какие бы то ни было движения. Ему нужно было, чтобы актерское переживание выразалось в лице, в глазах, в неподвижном теле... Режиссер не ошибся — внутренняя жизнь не умирала, несмотря на полную неподвижность тела... Пудовкин "разрешил" исполнительнице один жест — только один, очень скупой... И тогда, по словам Пудовкина, случилось чудо: вся сила пережитого чувства выливалась через эту беспомощную, по-детски протестующую руку» [18; 176].

В современном искусстве сегодня, пожалуй, два вида деятельности строятся с наибольшей опорой на несущую личностный смысл невербальную коммуникацию — пантомима и балет. В целом же звуковой кинематограф закрыл пути метафорическому кинематографу, кинематографу немого кино. Но как в драматической борьбе немого и звукового кино, так и в соотношении вербальной и невербальной коммуникации выигрыш коммуникации на уровне значений оборачивается порой проигрышем коммуникации на уровне смыслов. А не следует ли из подобного соотношения вербальной и невербальной коммуникации, что при нарушении речевого общения удастся проделать обратный ход и через опору на сохраненные смысловые установки сделать первые шаги на пути восстановления общения?

В этом смысле афазия представляет собой уникальный объект как для изучения соотношения вербальной и невербальной коммуникации в общепсихологическом плане, так и для разработки прикладной психологии восстановительного воспитания личности в нейропсихологическом плане. Эмпирические данные о степени сохранности невербальной коммуникации при афазии и о мозговой локализации невербальной коммуникации при афазии весьма ограничены. Более того, эти данные порой не согласуются друг с другом. Так, предполагается, что исследования афазии у глухих лиц могут дать представление о мозговой локализации, связанной с протеканием жестовой речи: «в некоторых случаях наблюдается отсутствие общих двигательных нарушений, или апраксии, при наличии собственно жестовых нарушений. Последний факт позволяет сделать вывод о том, что жестовая афазия должна считаться чисто языковым нарушением, а не двигательным расстройством» [6; 115]. При изучении невербальной коммуникации всегда следует помнить точное разграничение, введенное С. Волконским, автором незаслуженно забытого руководства по семиотике сценического воспитания жеста по Дельсарту «Выразительный человек». С. Волконский писал: «Нас интересует только мимика. Нас не занимает то движение, которому человек поручает *заменить* слово: не тот жест интересен, которым человек показывает, что он хочет спать, а тот, который выдает его сонливость. Цицерон различал в жесте *demonstratio* и *significatio*. Мы будем говорить о втором» [7; 61]. При изучении мозговой локализации жестовой афазии, как и в целом жестовой речи у глухонемых, имеется в виду именно жест, которому человек поручил заменить слово и который сконструирован по образцу речи языка.

Распространенный в ряде клинических

исследований невербальной коммуникации лингвоцентризм приводит к поиску прямых связей между нарушениями речи и невербального общения. Так, еще Г. Хэд (1926) видел причину ослабления способности к передаче жестов и к пониманию пантомимы в общем нарушении символической активности. Идея Г. Хэда как бы получает свое подтверждение на материале изучения жестовой афазии у глухих. Однако Н. Варней [27] установил, что

нарушения при восприятии пантомимы всегда наблюдаются при алексии, но алексия далеко не всегда связана с расстройствами опознания пантомимы. Из исследований, подобных работе Н. Варней, вытекает, по мнению Л. Роти [23], что нарушения речи и нарушения опознания пантомимы представляют собой различные феномены, хотя и могут коррелировать друг с другом.

Не укладывающиеся в представления о речевой природе невербальной коммуникации факты могут быть рассмотрены в контексте деятельностного подхода к анализу общения. С позиций этого подхода в принципе не может существовать прямой связи между нарушениями речи и невербального общения, так как с помощью последнего в поведении человека выражаются его смысловые установки; через речь же передаются прежде всего значения (А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец). Весьма показателен в этом плане приводимый Т. Шибутани факт, что гораздо легче установить личные взаимоотношения с больными, страдающими афазией, чем с теми, кто страдает болезнью Паркинсона: у последних нарушается именно позно-тоническая и мимическая невербальная коммуникация, выражающая личностно-смысловые отношения человека и обеспечивающая понимание мотивов и намерений личности: «Одним из симптомов болезни Паркинсона является масковидное лицо, у больных отсутствует способность к голосовым модуляциям во время речи. Поскольку, однако, познавательные процессы не затронуты, больные могут разговаривать и легко вступать в коммуникации. Но госпитальный персонал часто сообщает о чувстве неуверенности; хотя сообщения могут быть понятными, нет способа проверить индивидуальные предпочтения собеседника. Эти больные могут быть противопоставлены тем, кто страдает афазией... Оказывается, легче установить личные взаимоотношения с теми, для кого символическая коммуникация затруднена или вовсе невозможна, чем с тем, кто страдает болезнью Паркинсона. Важность этих утонченных жестов проявляется также и в том, что люди предпочитают избрать для обсуждения темы, которой они стыдятся, темноту, и не хотят решить важные вопросы при недостаточном освещении» [22; 138—139]. Этот пример дает возможность предположить, что невербальная коммуникация при дефектах речи в ряде случаев может выполнять компенсаторную функцию и тем самым служить опорой при восстановлении способности к общению. В связи с этим уместно вспомнить мысль А.Р. Лурии о необходимости разработки приемов овладения подтекстом, который и передает смысл. «...Анализ способов передачи смысловой организации сообщения значительно больше, чем в лингвистике, разработан в теории художественного действия и особенно — теории режиссуры... Процесс овладения приемами выражения подтекста (или смысла), разработанный [К. С. Станиславским и М. С. Кнебелем] и начинающийся с работы на чисто семантическом уровне (вживание в характер действующего лица, в возможные формы его действий в конкретных ситуациях) и лишь значительно позже переходящий к речевому тексту (который таким образом обогащается смысловым содержанием), представляет собой важнейший и далеко еще недостаточно осмысленный опыт» [15; 30].

Задача изучения этого опыта, парадоксальной логики движения восстановительного воспитания по формуле «от подтекста — к тексту» может быть в значительной степени решена при использовании невербальной коммуникации в процессе восстановления общения.

Богатейшая смыслотехника, накопленная в разных культурах, в частности, техника внеязыковой культуры дзэн, техника умения управлять сознанием без обращения к языковым средствам ждут своего понимания в культурно-историческом контексте разрабатываемой прикладной психологии восстановительного воспитания. Культурно-историческая психология заставляет по-иному взглянуть на подобного рода техники. «Мастера, владеющие на основе дзэн искусством фехтования, самозабвенно демонстрируя

свое мастерство, не могут объяснить, как они достигают этого совершенства. Однако сама реальность, известные шедевры, созданные мастерами Японии с опорой на идеи дзэн, показали, что главное — в той побудительной силе, которая концентрирует человеческую энергию на каком-то орудии деятельности — клинке, скребке, молотке, кисти и т. д.» [16; 150]. Корни использования смысловых приемов воспитания личности, однако, следует искать не столько в мистической побудительной внутренней энергии, сколько в кисти, жесте, позе, мимике, через овладение которыми человек овладевает самим собой. Именно в них как в психологических орудиях и знаках культуры корень формирования высших психических функций и самостроительства личности.

Тщательный анализ в русле культурно-исторической психологии приемов и техник невербальной коммуникации, являющейся зримым языком передачи личностных смыслов, открывает широкие возможности как для понимания мира индивидуальности личности в целом, так и для построения смысловых техник — прикладной психологии восстановительного воспитания личности.

1. *Анциферова Л. И.* Проблема психотонической активности и научное наследие Анри Валоно // Психол. журн. 1951. Т. 2. № 1. С. 54 - 159.
2. *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. М., 1979.
3. *Асмолов А. Г.* Психология личности. М., 1990.
4. *Асмолов А. Г. и др.* О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопр. психол. 1979. № 4. С. 35—46.
5. *Асмолов А. Г., Марилова Т. Ю.* Роль смены социальной позиции в перестройке мотивационно-смысловой сферы у онкологических больных // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1985. Вып. 12. С. 1846—1851.
6. *Бонвиллиан Дж., Нельсон К. Э., Чароу В. А.* Язык и языковые способности у глухих детей и у детей с нормальным слухом // Психолингвистика / Под общ. ред. А.М. Шахнаровича. М., 1984. С. 103—142.
7. *Волконский С.* Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельстарту). СПб., 1913.
8. *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982.
9. *Запорожец А. В.* Развитие произвольных движений. М., 1960.
10. *Запорожец А. В.* Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 2. М., 1986.
11. *Козлов Л. К.* Изображение и образ. М., 1980.
12. *Лабунская В. А.* Невербальное поведение. Ростов, 1986.
13. *Леонтьев А. Н.* Психологическое исследование движений после ранения руки // Психология. Движение и деятельность: Ученые записки МГУ. Вып. 90. М., 1945. С. 91 - 100.
14. *Леонтьев А. Н., Запорожец А. Н.* Восстановление движения. М., 1945.
15. *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
16. *Пронников В. А., Ладанов И. Д.* Японцы. Этнографические очерки. М., 1983.
17. *Разлогов К. Э.* Искусство экрана: проблемы выразительности. М., 1982.
18. *Селезнева Т. Ф.* Киномысль 1920-х годов. Л., 1972.
19. *Цветкова Л. С.* Восстановительное обучение при локальных поражениях мозга. М., 1972.
20. *Цветкова Л. С.* Нейропсихологическая реабилитация больных. Речь и интеллектуальная деятельность. М., 1985.
21. *Фейгенберг Е. И., Асмолов А. Г.* Некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психол. журн. 1989. № 6. С.58 - 66.
22. *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1972.
23. *Rothi L. J., Mack L., Heiman K. M.* Pantomime agnosia // J. of Neurology, Neurosurgery, and Psychiatry. 1986. V. 49. P. 451 - 454.
24. *Varney N. R.* Pantomime recognition defect in aphasia: Implications for the concept of asymbolia // Brain Language. 1982. V. 15. P. 32 - 39.